

Василий Заботин

**УСРЕДНЕННЫЕ
ЧЕЛОВЕКООЕДИНИЦЫ
И ИХ АНТИПОДЫ**

Москва

2014

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)

312

Заботин В.

312 Усредненные человекоединицы и их антиподы / Василий Заботин. – М.: Книга по Требованию, 2014. – 136 с.

ISBN: 978-5-519-01783-1

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN: 978-5-519-01783-1

© В. Заботин, 2014

© Lennex Corp., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Москва-река	7
Раздоры	14
Аппендектомия	17
Участковая	21
Одуванчик	24
Кладбищенская оратория	29
Люси и Натали	33
Куда теперь дальше канать.	36
Акустика подначек	40
Жизненная проза	47
Шаг вперед и два шага назад через РАМН и ВАК	49
Пятая колонна	54
Нечистоплотная история	59
Домен	62
Ненависть с исходом в смертоносную медицину	65
Перспектива с ретроспекцией	77
Аты-баты	82
Одорокомпетентный массаж и налоги	85
Заурядный полицейский сонет	89
Энергетическое конвертирование	92
Адвокат	94

Морской волк, или горе-медицина.	99
Полицейское пополнение	109
Чмур или ООО.	113
Минорный сонет о псе и коте	115
Офицер запаса	117
Ретрансляция вселенской лжи	119
Спешу и падаю	121
И везде и всюду она – полиция	124
Генерал, Джек, Джулька и я	128
Мудрость народная	132
Мусор	134

Великому в мировой современности, всемогуще-державному правителю России – Президенту Владимиру Владимировичу Путину, в ознаменование присоединения обратно к нам исконно русского Крыма, и при этом – чисто русскому богатырскому презрению к американским и европейским дутым угрозам, посвящается этот сборник списанных с натуры новелл.

ПРЕАМБУЛА

Се мини-повести временных лет, движителями которых были, есть и будут в веках – антиподы усреднено-стадных человекоединиц...

Москва-река

В советское время, мы жили в Москве на Набережной Максима Горького...

А потом поменялись на большую жилплощадь, но зато – на самую окраину Москвы, в затрапезный и занюханный спальный район Гольяново...

Мрак и захолустье. Магазины все – для нищих и малоимущих: «Пятерочки», да «Копейки». По улицам – сплошь какие-то унылые дебилы, будто только что сбегавшие из дурдома. В метро – давка от приезжих провинциалов с рядом расположенного автовокзала: мешошников, колясочников и сумошников...

Но, тем не менее, я закончила институт и вышла замуж. Только, как принято говорить, – за лицо кавказской национальности.

А попросту – за чурку. Хотя и тоже – с высшим образованием.

И звали его тоже весьма не по-нашему, непривычно: Могели. А отчество – Тадашевич, а фамилия – Чапчахов. Правда, в близком окружении все звали его почему-то – Анзор...

И я переехала к нему и его родителям – жить, из Гольянова – обратно в центр Москвы – на Тверскую (бывшая улица Горького)...

И благополучно родила ему дочку Катеньку...

Но лучше бы не беременела, или сделала аборт: Могели на деле оказался не галантным кавалером, а грубияном, хамом и пьяницей.

Хотя, занимаясь рыночной коммерцией, денег в семью приносил достаточно...

Но контролировать и сдерживать себя в винопитии, как никогда не умел, так и сейчас – не может и не умеет...

Явится домой поздно и бухой, и – плюх в кровать под общее стеганое одеяло...

Лежит, громогласно храпит, пускает слюни на подушку ...

Разнообразия, и хоть какой-нибудь радости для, я как-то купила на улице, у метро, у приличного вида почти взрослой девочки – белого котенка месяцев двух от роду...

Помню, расплатилась с девочкой, – сумки с продуктами – в двух руках, сумка с деньгами и документами – через плечо, а беленький котенок уцепился остренькими коготочками за джинсовую куртку, тонко мяукает и весь трясется...

Благо – близко было идти до дома...

Пришли. Катенька – вне себя от чистосердечного восторга. А котенок полакал молочка, и сразу – прыг на нашу двухпальную кровать. И написал на одеяло...

Такая кроха, а так забавно и для него высоко прыгает...

Мы с Катенькой – за ним убирать, поить снова молочком, гладить по головке, тельцу и забавно маленькому хвостику. И – мягко дрессировать...

Явился с работы муж, как всегда, – под сильной булдой. Мы с Катенькой говорим ему: «Смотри, папа, а у нас теперь будет жить Снежок (это его так Катенька сразу назвала). – Ты только погляди на него – какой он хорошенький»...

А мужу все это – глубоко до феньки: хороший котенок, или плохой...

Белый, полосатый, или черный: все едино...

Поел быстренько на кухне в одиночку, и, тут же – на боковую...

Катенька навек влюбилась в Снежка. Кормила его, играла с ним, гладила...

И он, больше, чем ко мне, – ластился к ней и спал у нее в ногах...

А через месяц уже освоил и облазил все стулья и табуретки в квартире, облюбовал себе закоулки по углам и промеж мебели, и потешно гонялся за привязанной за веревку тряпочкой, которой Катя дразнила его, скользя ею по полу мимо его носа...

Я накупила Снежку много кошачьих магазинных игрушек, и мы, все втроем, – я, Снежок и Катенька, при всякой свободной минуте, буквально уигрывались с ним...

И дома стало как-то светлей, теплей и уютней...

И радостней – в прозе обыденной жизни...

Однажды муж заявился домой пьянее обычного... Мы с Катенькой, в знак протеста удалились на кухню...

Выдержали педагогического плана паузу (хотя – какая с пьяным педагогика), вернулись в спальню, а наш Могели уже в постели и храпит...

Катенька – за Снежком: «Кыс-кыс, кыс-кыс!»...

А Снежка как след простыл: ни слуху и ни духу...

Только громогласный мужний храп в спальне...

Катенька – к себе под кровать, Катенька к отцу под одеяло, Катенька – под диван: нету Снежка!..

А я собрала поужинать нам с Катенькой на стол, хотела сесть на стул, , и вдруг вижу: между стульями задавленное безжизненное тельце Снежка...

С Катенькой – истерика, я – в спальню к спящему мужу: «Вставай, негодяй! Взгляни, животное, что ты с котенком сделал!»...

А он, не пробудившись, чмокнул губами, отвернулся от меня к стенке и пальнул в нашу с Катей сторону длинной очередью вонючих кишечных газов...

И мы с Катенькой повезли Снежка хоронить. Я укутала его трупик (вместе с тяжелым молотком из мужнего домашнего инструментария) – своим почти что новым шелковым головным платком. И обвязала крест-накрест шелковой ленточкой, завязав ее бантиком...

Уложила в сумочку, и мы с Катенькой поехали на метро до станции «Парк культуры». Вышли на улицу, прошли на Крымский мост и где-то примерно на середине, я достала из сумки завернутого в самодельный саван Снежка, перегнулась через перила к далекой внизу воде, и разжала руки...

Прими, широкая, глубокая и величавая Москва-река невинное, не успевшее в своей короткой жизни сделать никому зла, – Божье создание...

Катенька в голос зарыдала...

Мимо нас проходили по своим делам редкие прохожие: всем, кому надо, проезжали Крымский мост троллейбусом...

И всем ни до кого и не до чего не было никакого дела...

Я проглотила четыре таблетки экстракта валерьянки и, как могла, слегка успокоила Катеньку...

Мы с Катенькой молча постояли еще трошки на Крымском мосту...

Внизу глухо плескалась мутноводная Москва-река. Пронзительно шуршали и подлизгивали бегущие вдоль моста троллейбусы, умеренно тихо похрипывали моторами и повизгивали тормозами авто...

Внизу, из-под широченной арки Крымского моста, плавно вынырнул речной трамвай с пассажирами... И стал так же плавно удаляться, соблюдая фарватер...

Я взяла Катеньку за руку, и, не скрывая слез, пошла в сторону метростанции «Парк культуры»...